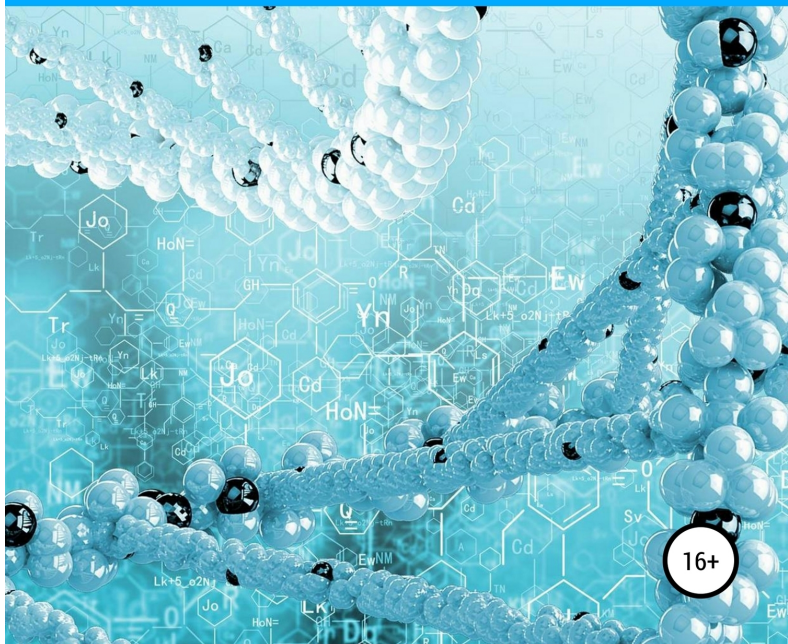

Борис Базарнов

ПОЭЗИЯ ЖИЗНИ

КНИГА СТИХОВ

16+

Борис Александрович Базарнов

Книга стихов. Поэзия жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53659867

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга «Поэзия жизни» – это, выраженные в стихах, впечатления от прозы жизни в нелёгкие для нашей страны периоды времени. Стихи передают не только чувства и переживания тех лет, но и сегодняшний взгляд на те, уже далёкие, события.

Содержание

Как прежде нас охватывает радость	6
Родина	8
Соя	10
История	12
Истина	14
Повесть о русском человеке	15
Победители	17
Нас предали	19
Предатель	21
Россия	22
Москва	24
Я вижу ложь	27
В дыму	29
Уповаем на Бога	31
Вляпались	32
Естественный отбор	34
Всплытие	36
Высшее общество	38
Лягушка-предводительница	40
Работодатель	42
Кислая жизнь	44
Система	45
Триллер	47

Реальность	49
Замониторили	51
Момент истины	53
Праздник	55
Больно видеть	57
Упадок	59
Мужик	61
Электорат	62
Приснится же такое	64
Болото	67
Пора о русских молвить слово	69
Украли мечту	72
Это	74
Образованцы	76
Валун	78
Новый Обломов	79
Элегия	81
Справедливость	83
Нет порядка	85
Власть	86
Красное	88
Правое дело	89
Дело	90
Творцы	92
Дамоклов меч	93
Засуха	94

О воде	96
Дело – труба	98
В больнице	100
Матвееву Андрею Борисовичу	102
Странные люди	104
Благополучие	106
Не надо ехать в Африку	107
Тунис	109
Попутчики	111
Равенство	113
Время твоё	114
Игра	116
Славные ребята	117
Открытая рана	118
Концерт в Цхинвале	119
Мы жизнь прожили	121
Главная задача	122
Две задачи	124
Храм на крови	125
Я жил	127
Юность	128
Река жизни	129

Как прежде нас охватывает радость

Нас не отвадила от жизни злая сила.
Мы в землю не ушли и не исчезли в ней.
Нелегкая судьба нас по земле носила,
И мы за это благодарны ей.

Как прежде нас охватывает радость
Причастности к небесной синеве,
К дубравам и лугам, где ягод сладость
Разбавлена горчинкой в мураве.

Душа, как ветер, носится на воле.
Её напрасно силятся поймать.
Из золота силки, но нашу долю
Ловцам не изменить и не понять.

Мы сами ищем в жизни равновесье
Между полётом и насиженым теплом.
Нам хочется резвиться в поднебесье,
Не думая, что станется потом.

Нам хочется в уют гнезда на отдых,
В свой дом, что по-над речкою в саду,
Где столько дел, невпроворот, не в продох,
И все живут с любовью и в ладу.

Пусть каждый видит жизни продолженье.
Пусть будет в старости печаль наша светла.
Пусть будет высшим праздником – рожденье,
Чтоб непрерывно жизнь текла, текла, текла.

Родина

Ещё не утратила силу земля.
Вокруг зеленеют луга и поля.
И синью наполнен небесный простор,
И тает в нём тучек прозрачный узор.

Повсюду пригорки видны да лески.
А там золотятся на реках пески,
И тихо в осоке сидят рыбаки,
Где плещется рыба в сверканье реки.

Но есть и совсем дорогие места,
Где мама несёт нам на блюде с куста
Горки отборнейшей спелой малины
И сочные кисти чёрной рябины.
Где дом под берёзой в садочке стоит,
На брёвнышке кошка, мурлыкая, спит.
Мы на скамейке сидим у крылечка,
А в доме, конечно, тёплая печка.
К радости, в гости заходят соседи,
И время струится в тихой беседе.

Здесь крепнут и силу берут сыновья,

Здесь самые верные с детства друзья,
Здесь доченьки наши растут, как цветы,
Здесь Родина наша, любовь и мечты.

Сою

Соевое поле опустело.
Урожай собрали, увезли.
Взрослые, склоняясь, то и дело,
Осыпь подобрали и ушли.

Закружилась первая позёмка,
Не нужны на поле сторожа.
Ребятишки в ветхой одежонке
Хохлятся, от холода дрожа.

Соинки под снегом собирают.
Наберут, хоть сколько, и – домой.
Из карманов мокрых вытрясают.
Согреваясь, жмутся за плитой.

Мама в сковородке сою калит,
Треск идёт и запах соевой.
Ждём, сидим, хотя усталость валит.
Горка жаркой сои предо мной.

Все сосредоточенно жевали,
Ощущая сои теплоту.

.....
Многие тогда так выживали.

И теперь я помню зиму ту.

История

История всегда была нужна,
Как воздух, чтобы в жизни разобраться.
Она и динамична, и сложна,
И дальше будет нами продолжаться.

Она поможет в прошлом отследить,
Понять причинно-следственные связи.
Но надо очень осторожным быть,
Намешано в ней много всякой грязи.

Историю писали на заказ
Политиков, монархов, фараонов.
Её и встарь кроили, и сейчас
Она идёт в подпорки для законов.

Заслуги неугодных – умалить,
Возвысить тех, кто ничего не сделал.
Где надо, плюс на минус заменить,
Представить так, как власти захотелось.

Бессовестно, в открытую шустрят
Вдруг всплывшие историки в законе.

Глумятся, утверждая новый взгляд,
Готовые на всё, хамелеоны.

А те, чей прах в земле давно истлел,
Помогут нам до истины добраться.
Остались на земле следы их дел.
На это нам и надо опираться.

Истина

Историй много – истина одна.
Большая тайна в ней заключена.
А прошлое – ведь это наша память.
Знать истину о прошлом – сдёрнуть замять.
Правители всё это понимают,
И что-то, не без умысла, скрывают.
Им проще так народом управлять.
А то начнут вопросы задавать.
И вскроются такие преступления,
Которым в век не будет искупленья.

Истории написаны, как надо.
И всё ж берёт правителей досада.
Всю истину сокрыть не удалось,
И что-то мифами назвать пришлось.
А прочее – всё дилетантов бред.
Не действует на поиски запрет.
И люди ищут, тайну постигают,
И истину когда-то ведь узнают,
И сдёрнут с нашей памяти покров.

.....

В пути за истиной не наломать бы дров.

Повесть о русском человеке

Грусть расставанья, печаль одиночества,
Как это свойственно русской душе.
Русский по свету не ходит без отчества.
Ну а с отцом как-то легче уже.

Эх, широки вы, просторы российские!
В них можно сгинуть, пропасть одному.
Как одолеть переходы не близкие?
Удаль и песня помогут ему.

Если же враг на пути повстречается,
Злобен, коварен и цепок в бою,
Гневною силой душа наполняется.
Насмерть он бьётся за землю свою.

А победителю слава и почести.
Воину место в когорте друзей.
Пей, веселись и гуляй, но не очень-то.
Очи и разум хмельным не залей.

Действуй всегда справедливо, по совести,
Верь в доброту и надёжность людей.

Дома семья ждёт его в этой повести,
Отдых, любовь и жены, и детей.

Победители

Ещё клубится над землёй пожарищ дым,
Но нет войны. Есть Мир, и есть Победа!
Не верится ещё: «Дошёл-таки живым!»
И слышится не о войне беседа.

Весна цветёт! Слегка кружится голова
От ощущенья жизни и свободы,
И вспоминаются забытые слова,
И мысли бьются, как весною воды.

Образовалась вдруг на время пустота:
Мы вышли из войны, но к дому не вернулись.
И жизнь нам видится уже совсем не та.
Оттуда мы ушли, на миг лишь обернулись.

Мы испытали, ощутили жизни вкус,
Почувствовали запахи земные.
Всем только кажется, что мы не дуем в ус.
Мы, как младенцы, видим мир впервые.

Увидев смерть вблизи, мы оценили жизнь
Во всех многообразных проявлениях.

Нас столько лет и дней война тянула вниз,
И вот настал момент освобожденья.

Нам надо было стать самой землёй,
Чтоб выжить, победить и распрямиться.
Мы встали! Перед нами мир иной,
И есть куда идти, к чему стремиться.

Нас предали

Нас обманули, предали и в список занесли,
Как тех животных, что на грани вымиранья.
И всколыхнули дно, и ахинею понесли,
И стали всё живое рвать и жрать пираньи.

Когда осела муть, глазам предстало зло
В обличии самодовольных, наглых ряшек.
В стране всё схвачено, обкусано зело,
И на людей они глядят, как на букашек.

Теперь они уже для нас не бандюки,
А новые хозяева, элита.
Говоруны при них, изящны и легки,
Хоть гибнем мы, и Русь дерьмом залита.

А наша молодёжь танцует и поёт,
Говорунам в согласии кивает.
Но сорок стукнет, и отправят их в помёт.
И главный говорун об этом знает.

Но продолжает пудрить им и нам мозги,
А там, глядишь, и за бугор слиняет.

Пока за его ложью не видать ни зги.

Народ танцует, пьёт и вымирает.

Предатель

Он карьерист. Начальство доверяет
Ему секреты, важные места.
Что он предаст, пока никто не знает.
Все начинают с чистого листа.

Он не рождён предателем фатально,
Но есть в нём где-то тёмное пятно.
И он готов к предательству ментально.
Где почва есть, найдётся и зерно.

Его порочность это время приближает.
И вот ловушка, жизненный цугцванг.
Но надо сделать шаг, и тут он выбирает
Предательство и в плату – чистоган.

Предателей повсюду презирают.
Он в Ад уже ступил одной ногой.
Пороки, как заразы разъедают.
И он сгниёт в пороках, как изгой.

Россия

(1996 г.)

Душа Земли, объята любовью,
Согретая божественным теплом,
Над миром воссияй величественной новью
И озари отеческий наш дом.

Чтоб этот свет возжѣг людские души,
А души воспарили до небес
И, как колокола, звонили в наши уши,
Предупреждая – в дом пробрался бес.

Его не принимает наше тело.
Так он в нутро вливается с зельѣм.
Здоровье точит дьявольски умело,
Всѣ рушит, что святое было в нём.

По всей Руси, со всех её погостов,
Взывают предки святость сохранить.
В бою открытом нас убить не просто,
Не просто и обманом совратить.

Он облик изменяет то и дело:

То через руки золотом течёт,
То в дом с телеэкранов лезет смело,
То в прессе нашу Родину сечет.

С него сорвите маску, назовите имя.
Он, червем корчась, в бездну уползёт.
Тогда-то горными трудами и мирскими
Россия в святости и правде заживёт.

Москва

(1996 г.)

Душа Москвы золотоглавой
Над древним городом парит,
Озарена небесной славой,
На нашу жизнь мирскую зрит.

Её волнуют перемены.
Где же ты, русская душа?
Витает всюду дух измены,
Дух чужака и торгаша.

Центр предоставлен для холёных
Мордастых молодых мужчин,
И проституток расфранчённых,
И для сверкающих машин.

И в этой смрадной сизой дымке –
Сияние новеньких витрин,
И дед, забредший по старинке,
Рассматривающий лимузин.

Челночный рынок до окраин

Заполнил город и царит.
Победой окрылённый Каин
На это торжище глядит:

«Вот долгожданная свобода
Для самых низменных страстей.
Хлеба и зрелищ для народа!
Без всяких вашенских затей.

А кто крутиться не умеет,
Свободен тот и от гроша.
Наш рынок всех вас перемелет,
Вам не оставит ни шиша!»

Зато с улыбкой одобрения
На это смотрит интурист.
Какие могут быть сомнения,
Коль процветает колонист?

Меж супермаркетов и шопов
Хозяевами, не спеша,
Они идут смотреть на ж ...
Мисс регионов Иртыша.

А коренные горожане,
Боясь бандитов и воров,

Все за железными дверями
Сидят свободны, без оков.

Мы на экранах умилённо
За Санта-Барбарой следим.
Нам жить по-своему – мудрёно.
Как там живут, мы поглядим.

А наш избранник «всенародный»,
Сердечной мукою томим,
Вдруг стал от многих дел свободный
И к духу русскому терпим.

Здесь русский дух и в дни несчастий!
Столица, милая Москва,
Спасёшь ли нас от сих напастей,
Найдёшь ли вещие слова?

Я вижу ложь

Я вижу ложь правителя России.
К какой беде она нас приведёт?
Хоть говорят, что правда не в силе,
Но правду ложь своею силой гнёт.

Да так, что мы её почти не слышим
За праздным шумом, свистом смехачей.
И нам смешно. Мы действуем и дышим,
Как под гипнозом льющих речей:

О том, что поднимаемся с коленей
И наша мощь двукратно прирастёт,
И он для всех грядущих поколений,
Как на галере раб в цепях гребёт.

И нет инстинкта самосохраненья,
Ведь вместе рухнем в тары-тарары.
И даже ночью не грызут сомненья,
Что можно лгать лишь только до поры.

Неужто поглотила страсть наживы
Все чувства, и война нам не урок.

Да мы сейчас лишь потому и живы,
Что спаяны той братской кровью впрок.

Он барин, он хозяин, он помещик,
Он менеджер наёмного труда.
Ему несут от антиквара вещи,
И накрывают столик у пруда.

Таким, наверно, видит свою старость.
А за забором остальной народ:
Ну, то, что от него ещё осталось
И по просторам нашим не гниёт.

В дыму

(к 1 Мая 2001 года)

Всё поле выжжено. Черна
Дорога по нему.
Не так ли ты, моя страна,
Черна и вся в дыму.

Налево смотришь – детвора
Голодная сидит
И в карты режется с утра,
Стянуть где-что глядит.

Направо – лучше не ходи.
Там никель и стекло.
Глазок камеры следит,
Чтоб так всё и текло.

А прямо – смотрит тебе в лоб
Отверстие ствола.
Любого упрессонить чтоб,
Кинжал есть и игла.

Вот так, куда ни посмотри,

Ведут дороги в Ад.
На перепутии стоит
На костылях солдат.

И полю не зазеленеть
После такого пала.
«Уж лучше б было умереть» -
Сказал солдат устало.

Уповаем на Бога

Жизнь в России идёт вразнобой:
Не симфония, а какофония.
Дирижёр наш слепой и глухой,
Ну, какая ж тут будет гармония.

Дым пожаров изъел нам глаза.
И нигде никакого прозрения.
Будем ждать, когда грянет гроза
И сойдёт наше оцепенение.

Уповаем на Бога, дружок,
Наблюдая страны расхищение.

.....

Дым увял, гарь засыпал снежок.
Тишина. Никакого брожения.

Вляпались

Дождались, к чему рвались:

Воля обеспечена.

Да, видать, надорвались:

Жизнь-то изувечена.

Ни свершений, ни побед.

Воспевать-то нечего.

Даже бывший диссидент

Мается, замечено.

Оказалось, что свобод,

Общечеловеческих,

Ухватить не смог народ

Без пинков отеческих.

Для всего нужна деньга –

Тайна рассекречена.

Веселись теперь слуга,

Жизнь твоя расцвечена.

Не хотел семьёю жить.

Вот страна развенчана.

Так чего ж теперь тужить,
Что судьба подперчена.

Я ведь вовсе не брюзга,
Строю планы встречные,
Не имею ни фи́га,
Лишь ухабы вечные.

Естественный отбор

Серёжа жил без выпендрёжа:
Снял двушку, ездил на метро.
Но выпирало часто всё же
Его дерьмовое нутро.

С друзьями детства он расстался,
И из семьи ушёл давно.
Ни с кем сблизаться не пытался.
Плыл по течению, как бревно.

Среди коллег он слыл непьющим,
Но на халяву выпивал.
Был не замечен, как дающий,
Но сам всегда охотно брал.

Деньжата у него водились.
Взаймы давал, но под процент.
Коллеги на него не злились
И звали, за глаза, «Доцент».

Он политических пристрастий
Ни перед кем не проявлял.

Был чист перед любой властью.

Писал: не был, не состоял.

Благодаря таким талантам

Прошёл естественный отбор.

У многих слыл он коммерсантом,

Другие говорили – вор.

Всплытие

Он был обыкновенным спекулянтом,
Хотел бельём в общаге торгонуль,
Но за руку был схвачен комендантом.
Пришлось из института упорхнуть.

Но тут же смог, подделав документы,
В другой вуз курсом выше поступить.
В учёбе помогли ему студенты,
А он их всех учил, как надо жить.

На лекциях его никто не видел,
Но видели – диплом он обмывал,
И в «Москвиче», с подельниками сидя,
Торговые лоточки объезжал.

Он быстро стал прорабом перестройки,
Капитализм внедрял, как только мог,
Имел процентов триста с каждой стройки,
Вцеплялся в мелкий бизнес, как бульдог.

И, будучи бессовестным от роду,
По многим головам он прошагал,

Купил жену, три виллы и свободу,
За рубежами, в основном, живал.

Себе он коммунизм уже построил,
Политиков умело нанимал,
Подсчитывал валютные надои,
Журил себя, что очень добрым стал.

В верхах он уважаем, вхож повсюду.
Остался пустячок – ввести запрет
Простому непонятливому люду
Заплёвывать и рвать его портрет.

Высшее общество

(Басня)

Недавние разбойники, собаки,
Остепенились и надели фраки.
По сторонам шныряет шавок рать,
А псы о горнем стали рассуждать.
Сокрыв клыки, со свечками стояли.
Придя ж домой, гусей с костями жрали.
Разбойничий их норов чувствовали все.
Однако же в салон к красавице лисе
Тех псов безоговорочно пускали.
Потом над этим гуси гоготали.
Но с ними псы были всегда в расчёте -
Гусятинка у них в большом почёте.
Коты на псов, как на врагов, шипели,
Но вниз слезать с деревьев не хотели.
Опасно стало по земле ходить,
И царь зверей не знал, как с этим быть.
Не усмотрел он псов большой вины,
Твердил всё, – Лишь бы не было войны!

Достойнейшее общество сложилось.
И в круге этом часто веселилось.

Иных зверей к собакам крот привёл.
На видном месте был судья-осёл.
За этикой всегда свинья следила.
Концерт для псов готовил хорь-ловчила.
Объедками питались и вороны,
Которые писали все законы.
Вот, наконец, псов пригласил к себе и царь.
Они ж исподтишка собачились, как встарь.
Почувствовали полную свободу.
Теперь не продохнуть звериному народу.

Чем же от псов отличен этот царь,
Если вокруг него кишит такая тварь?

Лягушка-предводительница

(Басня)

В свиарнике лягушка побывала
И радостная к пруду поскакала.
Всем рыбам, головастикам с округи
Проквакала: – Не так живём мы, други.
Цивилизованный нас окружает мир.
Там жизнь идёт, как непрерывный, сладкий пир.
И я от тех щедрот чуть-чуть поела,
И видите, уже как раздобрела.
Там столько мух, какие там отходы!
На той земле другие даже всходы.
Нам надо срочно пруд наш осушить.
И мы должны, как все, по-свински жить.

Послушались её, разрушили запруду.
Вода ушла, конец пришёл и пруду.
Вся рыба сдохла, и другим досталось.
Совсем немного живности осталось.
Но свиньям стало вдруг воды недоставать.
– Пруд достоянье всех, – те начали визжать.
Запруду возвели и взяли под контроль.
Ведь в жизни свинской велика запруды роль.

Вода опять в пруду том появилась,
Но рыба с той поры и не водилась.
Остались там какие-то козявки,
Лягушки, на потеху, да пиявки.

И вы в историю такую попадёте,
Если лягушку в предводители возьмёте.

Работодатель

Всех благ и всех надежд податель -
Почти святой, работодатель.
Его лелеет, любит власть,
Не даст ни сгинуть, ни пропасть.

Но как работу можно дать?
Работу надо выполнять.
Она – процесс, а не предмет.
Подсунули нам винегрет.

Как ловко снова нас надули –
Понятия перевернули.

Кто раньше был эксплуататор,
Землевладелец и плантатор,
Владелец фабрик и заводов,
Газет, вагонов, пароходов,
Сосущий соки из народов,
Стригущий денежки, делец,
Подручный власти, наконец,

Тот нынче нимба обладатель,

Уже святой, – работодатель.

Кислая жизнь

Жизнь наша, как капуста в старой бочке:
В зубах скрипит, пахуча и кисла.
О ней, такой, в поэзии – ни строчки.
Она нам лишь под водочку мила.

Нарублена так мелко, аккуратно.
Бери, не глядя, будет всё равно.
Излишки в бочку не вернут обратно,
Всё в борщ пойдёт, известно всем давно.

Вот так живём, подчас, хрустя и морщась,
И радуясь морковочке. Сладка!
Другим не повезло, отходят, корчась.
А наша бочка свежая, с лотка.

И этим можно даже восхититься.
Капуста, всё ж – не яркий помидор.
Жуём кислятину! А чем гордиться?
О прошлом вздыхаем до сих пор.

Система

Какой-то озорник, а может быть шутник,
Приделал к беличьей вертушке храповик.
Поэтому она в одну лишь сторону вращалась,
Хоть белка в той клетушке так и сяк металась.

Не только белка, но любой другой зверёк,
Иначе бы её крутить не смог.
Несложный механизм работать так заставил,
Что выбора другого белке не оставил.

За этой белкой наблюдал серьёзный муж,
Он в государственных делах был очень дуж.
И мысли о большом его не оставляли
Даже в саду, где мы его застали.

Он долго над вертушкою стоял
И, видно, так об этом размышлял:

– Вот идеал, к чему стремится власть.
Какая бы в народах не кипела страсть,
Система подчинять должна и будет всех,
И обеспечивать в задуманном успех. –

Он взял и передвинул храповик.
Заметно сразу – к управлению привык.
В другую сторону клетушка завертелась.
Он вновь подвинул, как ему хотелось.

Увлёкся он державною игрой.
Со взрослыми это случается порой.
Но видно этот муж в игре не всё учёл,
Если его вдруг сзади долбанул козёл.

Это не басня и мораль здесь не нужна.
Народ – не белка, клетка – не страна.

Триллер

Систему ожидает крах.
Мы с ней умрём благополучно.
Реальность навевает страх.
Застой везде, а нам не скучно.

Как в триллере, чего-то ждём,
Но, где опасность, мы не знаем.
На бойню, может быть, идём,
А, может, вечность обретаем.

Усталость, скованность везде.
Таких бьют палкой, иль прикладом,
А иногда ведут в узде,
Чтоб жизнь нам показалась адом.

Речей лукавых наркота
Дурманит головы, как водка.
Борьба для нас, что суета.
Всё схаваем, на то и глотка.

Сколь нам отмерено пути?
Лет десять. Это и обидно!

Вовне – опоры не найти,

Внутри – здоровых сил не видно.

Реальность

Спорят яро – не о главном.
Кто кого переорёт.
В этом поединке славном
Спорщик грудью танком прёт.

Ну, а после представленья
Оба, обнявшись – в буфет.
Повод есть для единенья,
А вражды в помине нет.

Всё из одного кармана
Оплатили, не скупясь.
Главное, чтоб у экрана
Вся Россия собралась.

Если мало громких фактов,
Факты эти создадут.
Нам расскажут про теракты,
Или сами что взорвут.

И побольше обещаний –
Как мы славно заживём.

Из предвыборных вещаний
Мы помои эти пьём.

В это время незаметно
Уплывает за бугор
Караван богатств несметных.
Ну, а кто и где же вор?

Замониторили

«Куда девался миллиард?
Совсем ребята оборзели.
Ну, не правительство – детсад.
Бюджет сверстали еле-еле.

Найти виновных! Наказать!
Вернуть его в бюджет немедленно».
Так распекал глава гос-знять.
Разнос не первый, не последний.

В правительстве решили так:
Не наломать бы дров в поспешке,
Исследовать нам надо факт,
Промониторить опыт здешний.

Комиссию создали враз.
Ей поручили разобраться:
Кто дал сомнительный заказ?
И кто решил за это взяться?

Но указать забыли срок,
Хоть знали все, что это срочно.

Учили из прошлого урок,
Не указали срок нарочно.

А тут и кризис подоспел.
До миллиарда ли всем было?
А там от взрыва дом взлетел,
И наводнение город смыло.

Комиссия разгон взяла:
И мониторила, и рыла,
В законах много дыр нашла.
За год все дыры устранила

И доложила: «Все дела
Велись в то время по закону.
Но в дыры сумма утекла,
Поскольку не было заслону.

Искать виновных. Есть ли прок?
Да и теперь не актуально,
Когда срок давности истёк
И всё вернуть нам не реально».

Момент истины

Развал страны освободил
Всё низменное у народа,
И многих будто опьянил.
Пришла желанная свобода.

Налились алчностью глаза,
И злоба исказила лица.
Ребёнка чистая слеза
Теперь рекою может литься.

Рты заорали: «Уничтожь
Всех коммунистов до едина!»
От ора идиотских рож
На нас обрушилась плотина.

И хлынул нечистот поток.
Братва экраны захватила.
Но был ещё один мирок,
Была совсем другая сила.

Делили собственность и власть,
Как поступают мародёры.

Такая в них проснулась страсть,
Что подивились живодёры.

Но, проявив своё нутро,
Они поздненько спохватились.
На лбу у них теперь тавро,
Сколько б прилюдно не крестились.

Праздник

Правительством объявлен новый праздник –
Межведомственный праздник богачей.

И тут же в Интернете злой проказник
Его назвал понятно, без затей:
«День олигархов» – день приватизаций,
День урожая в поле дураков.
Прошёл период ваучеризаций,
И каравай теперь уже готов.

Ну а в Кремле уже готовы залы:
Зал для наград и праздничных речей.
Он невелик, ведь олигархов мало,
Всего, как в семисвечнике свечей.

Зато банкетный зал весьма просторный,
Миллионеров много развелось.
Всех рассадить по рангу (не позорно)
Умельцев тут порядочно нашлось.

Готово всё. Все ждут гостей наплыва.
Но час прошёл, другой и – никого.

Позорище какой! – почище взрыва.

САМ вопрошает Зама своего.

А тот в ответ, мол, есть предположение,

Что светочи светиться не хотят.

В народе не отыщешь уваженья,

А в остальном ведь, всё есть у ребят.

К тому же кто-то им шепнул в пол-ушка:

«По свету чтоб вас долго не искать,

В Кремле вам приготовлена ловушка,

И всех вас вместе лучше чохом взять».

.....
Но чтобы всё не так позорно было,

И чтобы той еде не пропадать,

Банкет был дан для тружеников тыла.

А олигархи... сами будут звать.

Больно видеть

Я здесь живу, в своей родной России.
Изъездил, исходил её и вдоль, и поперёк.
На целом свете нет земли красивей.
В другой стране я выжить бы не смог.

И больно видеть – рвут её на части,
Стремятся отхватить полакомей ломоть
Возникшие враги, но новой масти,
Как свора диких псов, терзающая плоть.

Вдруг сузился простор, исчезли дали,
Надвинулась тоска. Куда ни кинешь взор,
Всё лучшее урвали и сховали,
Взгляд упирается то в свалку, то в забор.

И задохнёшься, станет сердцу тесно.
Ужель инстинкт наживы разум замутил,
И надо жить богато, и бесчестно,
И наплевать на всех, с кем раньше кров делил.

Возмездие придёт, но слишком поздно.
Величье – не вернуть, и мы устранены.

В преданьях будет жить, уже не грозный,
Исчезнувший народ, исчезнувшей страны.

Упадок

Цепные псы прогнившего режима,
Успевшие нажраться вволю, всласть,
Бросаются на всех, кто ходит мимо.
Они теперь едины: псы и власть.

Известные артисты и спортсмены
За должности, награды и за так
Прислуживают им, а бизнесмены
Подкармливают власть, кто не дурак.

Приличия теперь у нас в почёте.
Нам объяснят причины катастроф.
И если вы в России не живёте,
Поверите в правдивость этих слов.

Из кухонь не доносятся проклятья
До чутких к лести царственных ушей.
И нам твердят: «Богач и нищий – братья,
А кто не верит – гнать его взащей».

Вот так живём пока что. Понемногу
У власти истончается костяк.

Придут опять варяги на подмогу.
В родной земле источник сил иссяк.

Мужик

Щурясь на солнце, вышел мужик.
К яркому свету он не привык.
Жил в темноте и убожестве,
И социальном ничтожестве.

Видит – прекрасен наш мир и велик.
Крепко задумался хмурый мужик.
Это система здесь действует так:
Если кто беден, тот, значит, дурак.

Умных не много – в богатстве живут.
А бедняки водку горькую пьют,
Жизнь проклинаят, горбятся весь век.
– Где ж справедливость? Ведь я человек!

Гнев охватил его, сжалась рука.
Только вот власть не достать – высока.
Крякнул мужик, головою поник.
Жить в полумраке он, видно, привык.

Электорат

Что было, то не помним,
Что будет, то не знаем,
Что – рядом, то не видим,
Но пляшем и поём.
Счастливые, как Бобики,
Куда-то мы идём.

Над нами Солнце яркое
И небо с облаками.
Задрали мы головушки
И в яму прямо – бух.
Но хорошо, что выбрались, -
Помог один лопух.

Теперь-то всё запомнится,
Что было на дороженьке.
Назад мы смотрим зорко,
Пятимся, поём,
И навзничь повалились вдруг,
И порознь, и вдвоём.

И это нам наука.

Мы вертимся, как Бобики,
Да так, что и не знаем
Куда и кто идёт.
Быть может, нам подскажут -
Назад или вперёд?

Но что-то продолжаем петь,
И даже чуть-чуть пляшем.
На месте долго топчемся,
Нам кажется – идём.
У нас в мозгах затмение,
Хоть это-то поймём.

Тогда и крикнул Вася,
– А ну-ка, замолчите все
И быстро сосчитайте-ка
От двух до девяти.
И крепенько подумайте,
Куда же нам идти?

Сидим теперь и думаем,
– Ведь были мы счастливые.
Зачем же мы задумались?
Где, к счастью, пути?
Вот Вася крикнул громко,
Ему нас и вести.

Приснится же такое

Нет выбора нормальных снов!
Остался – самый завалиющий.
Я отказаться был готов,
Но хмырь исчез, захлопнув ящик.

Пришлось смотреть тот сон всю ночь.
Признаюсь, даже захватило.
Ну, как в реальности, точь-в-точь,
Хоть всё во сне происходило.

Мы выбирали президента,
И лёг у нас такой расклад:
Всего четыре претендента,
И победить был каждый рад.

Но дискутировать Медведь
Ещё заранее отказался:
И без того он в дамках ведь,
Всё больше в роликах снимался.

Зюг-зюг и это обыграл:
Принёс игрушечного Мишку,

Нажал его – тот зарычал.
Но, видимо, хватил он лишку.

Народ со смеху помирал,
А, может быть, и не со смеху.
Зюг-зюг на Мишку напирал,
Но превратилось всё в потеху.

Другой же, Жирик, как назло,
За горло мог бы взять любого.
Но тут ему не повезло –
Все сгнули, как от чумного.

Ему замену Зюг нашёл,
И в банке «Жир» на стол поставил.
Сто фактов злейших он привёл.
И в этом Жирика обставил.

Но промах всё же допустил,
Когда религии коснулся.
Уж больно он её хвалил.
И чем хвалёж тот обернулся.

Кто там четвёртый претендент?
Уже, наверно, все забыли.
Был с ним какой-то инцидент,

Что он непьющий говорили.

И вот он, бледный, на экране,
Тряхнув косматой головой,
Изрёк: «Известно мне, миряне:
Я Богом дан вам. Все за мной!»

И совершилось, братцы, чудо.
Он всех в дебатах победил:
Народ считал – и так, мол, худо,
А может – верующим был.

И вот он, новый президент,
Стоит, на Запад устремлённый,
Ждёт, хоть какой-нибудь, презент
От них за то, что в них влюблённый.

Лопочет о Шенгенской зоне
И о каком-то там суде.
А мы теперь живём в загоне
И облапошены везде.

Схохмил народ, я потрясён.
Он и острил, и потешался.
Когда ж экран стал затемнён,
То понял – с носом он остался.

Болото

Аллюром и броском проблему не решить.
Проблема называется – «Болото».
Его не перейти, не осушить.
Оно гниёт, и надо делать что-то.

Мы знаем о полезности болот.
Они дают исток ручьям и рекам.
А это – и воняет, и гниёт.
Нет пользы ни зверям, ни человекам.

Туда уходят силы, как туман,
И растворяются в болоте без остатка.
И в головах оставшихся – дурман,
Как будто не мозги там, а свинчатка.

Но мысль одна сквозь тот дурман сечёт,
Что не спроста мы загнаны в болото:
Не двигайся, тогда не засосёт,
Погибель наша – благо для кого-то.

Так значит не в болоте наша боль,
А в том, что в эту гадость заманили.

Нам предназначена не гибельная роль.
Пора нам вылезать из этой гнили.

Пора о русских молвить слово

Пора о русских молвить слово!
России гибельный исход
Сейчас мы ощутили снова.
И вновь безмолвствует народ.

Как это всё могло случиться?
Мощнейшая из мощных стран
Смогла легко так развалиться.
Где тот невидимый таран?

Увы, таран уже не нужен.
Везде аморфность и разлад.
И чем России будет хуже,
Тем больше будет недруг рад.

А недругов у нас хватало
Во все иные времена.
Но Русь единство отстояла,
И ненавистна нам война.

Союз республик всем был нужен.
Но он распался. Льётся кровь.

И о былом мы снова тужим,
И делаем ошибки вновь.

Никто из властелинов новых
Могуществу Руси не рад.
И сделать всё они готовы,
Лишь продолжался бы распад.

Но в то же время в оба уха
Они долдонят день и ночь,
Что беспокоит их разруха,
И нам они хотят помочь.

Они помогут тем, кто будет
Внутри Россию разрушать,
Тем, кто сыновний долг забудет,
Забудет, что Россия – мать.

Уже во всех концах страны
Следы развала и разора.
Плод необъявленной войны.
Реальность нашего позора.

Пора о русских молвить слово!
Они распад предотвратят.
Ведь русские – Руси основа

И гибнуть тоже не хотят.

Другим оставим ум заёмный.
Свои традиции ценя,
Нам возродить наш дом огромный
Надо не мешкая ни дня.

А все российские народы
Должны сейчас одно понять:
Им не видать вовек свободы,
Если умрёт Россия – мать.

Мы – мир другой! Не нам вливаться
В чужие формы и края.
У нас своя цивилизация,
Своя хорошая земля.

Россию всё равно возвысим
И с нею счастье обретём.
И никого мы не унизим.
Как равные мы в мир войдём.

Украла мечту

У народа украли мечту,
Заменили зелёной капустой.
Уничтожить смогли красоту,
И в душе неуютно и пусто.

В том Союзе нам было светло:
Мир и дружба людей согревает.
А теперь верх мечтаний – бабло.
Лишь оно только всё и решает.

Был Союз, как пример для других,
Было много великих свершений.
Но верха наши предали их.
Ввергли всех в зону зла и гонений.

Не найти им идеи такой,
Чтоб сплотила буржуя и вора
С обнищавшей голодной толпой,
Что стоит у большого забора.

Мы же знаем – всплывает дерьмо,
И поэтому ждать бесполезно,

Что мечтой воспыхает оно.
За бабло ухватились железно.

Ход истории не изменить.
Всё дерьмо будет смыто в траншеи.
Мы же можем счастливыми быть
И не гнуть пред буржуями шеи.

Это

Вверху, внизу ли, где-то,
Но что-то там стряслось.
И сразу же про Это
В народе понеслось:

– Быть может, Это было,
А может быть, и нет.

– Откуда Это всплыло,
И есть ли в нём секрет?

– По слухам, Это точно
Вот-вот произойдёт.

– А может быть, нарочно
Смущают им народ.

– Но что такое – Это?

– Да, Это знают все!

Читать надо газеты.

Там всё во всей красе.

Налажены контакты.

Они уже идут.

– Но где, простите, факты?

– Неважно. Всем капут!

– Мне это ожиданье
Страшнее всех смертей.

– Пусть Это наказание
Свершится поскорей.

Образованцы

Читать кой-как ещё умеем,
С трудом, но, всё же, говорим,
Немного грамотой владеем,
У зомбоящика торчим.

Привыкли мы смотреть и слушать,
Ну, как вполне послушный пёс,
Любую чушь готовы скушать,
Какую б ящик нам не нёс.

Сравненье с псом, увы, обидно.
Но мы ведём себя, как пёс.
Так жить народу очень стыдно.
Он власть жулья давно бы снёс.

Что толку разводить руками:
Мол, селя-ви, мол, надо жить,
Мол, голосуем мы ногами,
Руками можем лишь крестить.

И что же! Разве гром не грянул?
Перекрестились мы уже?

Хоть кто-нибудь от сна воспрянул?
Иль будем жить так в скулеже!

Валун

Коллективизм забыт, а собственник в фаворе.
Куда не посмотри, повсюду вор на воре.
Что собственник, что вор, всё тянут в дом, на дачу.
Такая страсть у них, тем больше, чем богаче.

Воришка собственник, в ночи, пока все люди спят,
Увёз валун. Ограбил всех: и взрослых, и ребят.
Большой валун лежал, был украшеньем сада.
Вся ребятня вокруг была резвиться рада:

И гладили валун, взбирались на него.
Казалось, валуну не страшно ничего.
Но вору наплевать, что всем нам будет хуже.
Увёз подлец валун. Теперь там грязь и лужа.

Новый Обломов

Я хотел погулять, но лил дождь проливной,
Загоняя людей и всю живность домой.

Я хотел почитать, но тут стало темно.
Да и телек уже не смотрел я давно.

Взялся было английский язык изучать,
Но упорства, к стыду, не хватило опять.

Хорошо б ремеслом, хоть каким, овладеть.
Не могу же я вечно сидеть и балдеть.

Обстоятельства будто сковали меня,
И без них, с давних пор, не проходит ни дня.

Мне бы надо встряхнуться и цепи разбить.
Может быть, для начала, хоть зонтик купить,

И гулять выходить, несмотря на дожди,
И накапливать волю и крепость в груди.

Надо цели поставить и их достигать,

Книг хороших побольше под вечер читать,

Получить на вождение машины права.

.....

Да ведь надо снять ноги с дивана сперва.

Элегия

О плохом – не хочу,
А хорошего мало,
Потому и молчу,
Не пишу, как бывало.

У меня нынче гость,
Благодушный снаружи,
Но в душе копит злость,
Он ведь спец, а не нужен.

Молодёжь хороша,
Привыкает есть пиццу,
В кошельке ни гроша,
Так и прёт за границу.

Ну а кто постарей,
У того есть призванье
Сократить поскорей
Горьких лет доживанье.

Вымирает народ,
Народилось немного.

Вот бы наоборот,
Да жизнь слишком убога.

И хотела бы власть
Воспарить над народом,
У кого ж тогда красть,
Иль иметь дело с богом.

Может, и доживём
До страны справедливой.
Вот тогда и споём
Мы о жизни счастливой.

Справедливость

«В стране идёт борьба за справедливость.
У каждого борца своя беда.
А мы должны, отбросив торопливость,
Искать путь к справедливости труда», -
Так говорил мудрец благообразный,
Один из трёх, сидевших у пруда.

Другой мудрец отвечивал не сразу:
«По результатам ценят труд всегда.
Но как сравнить трудов разнообразье?
Рутинный труд и творчества полёт,
Физический и умственный труд – разный.
Опять всё это к смуте приведёт».

«Сам человек – вот истинная ценность! -
Вступил тут третий в мудрый разговор, -
Измерим напряжённость или леность
По пульсу и закончим этот спор».

«Труд напряжённый может быть впустую.
А как же быть с полезностью тогда?
Решим ли мы задачу не простую?»

А вот спешит хозяйюшка сюда»

Хозяйка:

«По времени вы два часа трудились,

И вами заработана еда.

Мы тоже в это время не ленились.

Вот вам по миске каши, господа!»

Нет порядка

Вся голова захламлена.
Свободно там гуляет ветер.
И только в том моя вина,
Что нахватал всего на свете.

И всё на полки завалил.
И сам забыл, что где, что нужно.
Ну, не премудрый, а дебил,
И вспоминаешь всё натужно.

Когда порядка нет в мозгах,
То нет и дел, ведущих к цели.
Тогда любое дело швах,
И на пути сплошные мели.

Власть

Заводы рушит, храмы воздвигает.
Работать негде, так иди, молись.
Вся власть от Бога, и она-то знает,
Что жить не даст нам, как тут не крутись.

А обвинять попов – пустое дело.
Ведь и они у власти – инструмент.
О душах говорят, лелеют тело
(Не забывают этот рудимент).

Без устали молитвы повторяют.
Такой у нас общественный наркоз.
Пока карманы наши обчищают,
Будем стоять, задравши к небу нос.

Они своё от власти получили
И не поддержат никакой протест.
Когда-то, может быть, и воинами были,
А нынче чётко знают свой насест.

Конечно, нас всех очень возмущает
Пособничество их, властей цинизм.

И снова мысль в народе вызревает:
«А не вернуть ли нам социализм?»»

Красное

Нынче красно-багровый закат
Возвещает нелёгкую жатву.
Всюду красные листья летят,
С ними время летит невозвратно.

Расширяется алый рассвет.
Собираются люди на улицах.
В их глазах безразличия нет.
Красных флагов разливом любятоя.

Ветер свежий до дрожи дерёт.
Но все лица не сини, а алые.
Вот уже и колонна идёт.
Настают времена небывалые.

Впереди неизвестность всех ждёт
И прощание с жизнью постылою.
Там труба созывает народ.
Красный день наливается силою.

Правое дело

Делай, что должно, и правильно будет.
Совість чиста, и никто не осудит.

Верь, каждый миг, что придут времена,
И возродится родная страна.

Вклад твой, быть может, не столь и велик,
Но хорошо, что ты в смуте не сник.

Делал, что должно. Так действуй всегда,
Даже когда нависает беда.

Правое дело твори и не трусь.
Только тогда сможет выдюжить Русь.

Дело

Дело любое трудно начать,
Ещё тяжелее – его воплощать.
Но, Боже Всевышний, какое мученье
Достойному делу дать завершенье.

Но если достойного дела не знаешь
И книгу «Что делать?» читать не желаешь,
То лучше бездействуй, меньше вреда
Будет природе и людям тогда.

Если ты просто солдат рядовой,
То будь спокоен, займутся тобой.
Там подконтролен каждый твой шаг.
Обучат всему, чтоб боялся нас враг.

Если девица ты молодая,
То не сиди у окошка, вздыхая.
Увидела парня, замуж иди,
Будет по горло дел впереди.

Если ты стар уже и умудрён,
Мудрость используй, не будешь смешон.

Домом займись и другим не мешай,
Внукам и правнукам книжки читай.

Жизнь коротка, и уйдём мы все в ночь.
Оставим на свете сына и дочь.
И память оставим, пусть будет светла.
Останутся наши грехи и дела.

Творцы

Со своего возникновенья
Все люди жизнь свою творят.
Здесь не бывает повторенья.
«Ничто не ново», – зря ворчат.

Масштаб деяний соразмерен
Таланту, качеству труда.
Оценен труд и не потерян,
Войдёт в строенье навсегда.

Фундамент здания – природа.
Она всегда надёжный тыл
Для человеческого рода,
Коль это он не позабыл.

Всё, что накоплено веками,
И есть строение – наш дом,
Благословлённый стариками,
Чтоб нам уютно было в нём.

Дамоклов меч

Прекрасен мир, но тесно стало в нём.
Тоскуем по нетронутой природе,
Где всё идёт естественным путём.
А как же быть с мечтою о свободе?

Придётся, видно, нам осознавать
Необходимость многих правил жизни.
Без этого – свободы не видать,
И будем хныкать, как малыш капризный.

Не царь, как оказалось, человек,
А часть им разрушаемой природы,
И в наш опасный техногенный век
Не так-то много у него свободы.

Он это не всегда осознаёт,
И если, где пределы переступит,
То на него дамоклов меч падёт,
Расплата неминуемо наступит.

Засуха

Земля потрескалась от засухи и зноя,
И пыльный воздух не даёт вздохнуть.
Ни тучки не видать за пеленою.
И сини в небе нет, чтоб взору отдохнуть.

Глаза повыщвели, и в них немая мука.
Всю ночь терзают ум вопрос и страх,
Как будто ждёшь старухиногу стука,
А там, за дверью, только пыль и прах.

Стихия, как судьба. От них не увернуться,
И их не победить. Напрасно жилы рвать.
Беда настигшая – не сон, здесь – не проснуться.
Без влаги жизни нет, всё будет умирать.

Но не всегда здесь было так сурово:
Земля рожала хлеб, и можно было жить.
А нынче, надо уходить, чтоб где-то снова
Для новой жизни новый дом срубить.

Пока есть силы, надо собираться,
Прощальный кинуть взгляд на гиблый сухостой,

И поспешать, чтоб засветло добраться,
Куда-нибудь, на временный постой.

О воде

Чистая вода дороже нефти,
Два стакана каждому, на день.
Высохшие, тощие, как жерди,
Люди еле ходят, ищут тень.

Грязная, немытая посуда,
Горы неопрятного белья.
Дальше всё перечислять не буду,
Сам себе уже противен я.

Травы все пожухли, пожелтели,
Реки обмелели и ручьи,
Лес засох, и листья облетели,
Чёрные поля уже ни чьи.

Всё покрыто копотью и пылью,
Даже тараканам плохо жить.
Жуть такая может стать былью,
Если нашу землю не любить.

Чуткая, ранимая природа
Может надорваться, и тогда

Гордым нам останется свобода
И, в придачу, грязная вода.

Дело – труба

Ворчал наш мудрый старый дед.
– Как жизнь? – его соседка спросит.
– Труба, – на всё один ответ, –
Земля ещё пока что носит.

Трубу вдруг раз и прорвало.
Остался дом наш без воды.
– Молчал бы ты, и пронесло.
Не знали б мы такой беды.

– Да это что, банкир в трубу
Сегодня вылетел, сказали.
Хотел он видеть нас в гробу.
Теперь получится едва ли.

Нет, от трубы нам не уйти.
Что говорю, тому внемлите.
Ведь у России два пути:
Нефть, газ. А вы чего хотите?

На остальных путях затор.
И лишь в трубу нам что-то светит.

Такая жизнь для нас – позор.
И кто за это всё ответит?

Ты на трубу не горячись.
У нас труба погорячее.
А лучше в гости соберись,
И посидим ...у батареи.

В больнице

Я жилец больничной койки.
Мой сосед, что здесь лежал,
На язык довольно бойкий,
Вслух о жизни рассуждал:

– В мире кризис и волненья,
А в больнице – тишина.
Но и тут идут сраженья,
Не на смерть, за жизнь война.

И к больным подход особый,
А вот цель у всех одна.
Нас и режут только, чтобы
Хворь была устранена.

Да, в бардачном океане
Есть порядка островок.
Труд врачей, сестёр и нянек
Сотням выжить здесь помог.

И всё это наблюдая,
Убеждён – помогут мне.

А вот там страна большая,
Да порядка нет в стране.

Матвееву Андрею Борисовичу Хирургу

Здесь все равны перед тобою:
Ведь каждый человек рождён,
Одарен этой наготою
И этой жизнью награждён.

И гениальны, и паршивы,
Кто как судьбою занесён.
Ты ж трудишься, чтоб были живы
Все, кто на этот свет рождён.

Здесь есть и честные, и лживы.
Хирург в работу погружён.
Все, как один, должны быть живы,
Ведь каждый чистым был рождён.

Мы опустили в мир наживы.
А ты, от мира отрешён,
Стараясь, чтоб были живы
И те, чей мир опустошён.

Нет, мы пока не справедливы,
И мир к добру не изменён.
Живущие – да будут живы,
Когда хирург ваш защищён!

Странные люди

Мы дышим воздухом, его не замечая.
Привычно воду пьём, захочется – едим.
Просматриваем новости, скучая.
Наш отношений круг привычен и един.

И вот ведь, удивительное дело,
Казалось бы, в довольствии живи,
Не утруждая душу, мозг и тело,
Как говорится нынче, кайф лови.

Так нет, мы сами лезем в передраги.
Как будто в нас сидит какой-то бес.
То вдруг уподобляемся бродяге:
Уходим в горы, в море, в степи, в лес.

И благостность мгновенно исчезает,
Когда за горло ситуация берёт,
Когда чего-то очень, очень не хватает,
И жизнь тяжёлой лапой бьёт.

Тогда мы начинаем шебуршиться,
Борьба за выживание, как-никак.

Тут можно очень много лишиться,
И даже жизни, если что не так.

Здесь нашу прыть понять, конечно, можно.
Из ситуаций этих рвёмся прочь.
Опасно, некомфортно и тревожно.
И день не в радость, и кошмарна ночь.

Как только быт опять приходит в норму,
Не можем жить спокойно всё равно.
Хоть дай нам дома развлечений прорву,
Всё будем вдруг посматривать в окно.

Но есть ещё покруче феномены:
Писатели, учёные, врачи.
Не внешние нужны им перемены,
А скрытые познания ключи.

Труд добровольный, до изнеможенья,
И никаких гарантий на успех.
Но это к неизвестному движенье,
И есть шанс выживания нас всех.

Благополучие

Чем больше благ, тем меньше блага.
Так неразумно мы живём.
Сегодня высшая отвага
Лишь в том, как водку лихо пьём.

Всё дело в нашем воспитанье,
А не в наличие всяких благ.
Тот, кто живёт на подаянья,
Не поведёт, поднявши флаг.

Всё, что способствует сближенью,
Преодолению преград,
Всем этим благам, без сомненья,
Всегда и каждый будет рад.

Только не надо быть рабами
И благ, и множеству вещей.

Отрину всё, поеду к маме,
Чтоб похлепать простецких щей.

Не надо ехать в Африку

Не надо ехать в Африку за чудом,
Когда у нас самих полно чудес.
И чудеса, пожалуй, есть повсюду,
С согласия историков, и – без.

Вот, в Мексике фигурки откопали,
Из глины, обожжённой на костре.
Историки их древность не признали,
Поделки местных, мол, в такой дыре.

А там, бок о бок, люди, динозавры
Живут, как мы – с теперешним зверьём.
Историкам бы надо бить в литавры,
А не гнобить находки те враньём.

А что у нас? Да, разве то не чудо, -
Исчезла с карт огромная страна.
Тартария была. Но где же груды?
Бесследно ли исчезла вдруг она?

Её смело космическим ударом,
И там поднялся современный лес.

Историки молчат, увы, не даром.
Спокойней жить без всяческих чудес.

А нынче, политическим ударом
Страна как никогда потрясена,
А вовсе не космическим пожаром.
Через колено сломлена она.

Ломали, но в конец не доломали.
И это тоже из чудес пример.
Мы четверть века жили и не знали,
Что всё ещё живём в СССР.

Тунис

Тунис неведомый, далёкий
С дыханьем моря и пустынь.
Там взгляд арабов волоокий
И неподвижный взгляд богинь.

Там, как мираж, в пустыне белой
Идёт куда-то караван.
И Карфаген там опустелый,
Как в назидание, нам дан.

Два мира там соприкоснулись,
Таких, как суша и вода.
Они смешались и схлестнулись,
Но не сольются никогда.

Тунис останется, как берег,
А мы отхлынем, как вода.
Своим аршином каждый мерит,
Что им приносят невода.

Дворцы, оазисы Туниса,
Как невод, выберут сполна

Все сбережения туристов,
Чужих и вечных, как волна.

И мы их так и не узнаем,
Чужим останется тот край.
Но он для нас незабываем.
Таким, наверно, видим Рай.

Попутчики

Попутчиков не выбираем,
Их не находим, не бросаем.
Идём ли, едем ли, плывём –
Их имена не назовём.

И это общее движенье
Даёт нам странные сближенья.
Бывает, что кому не знаем
Внезапно душу открываем.

Мы покорители пространства,
Живём, отвергнув постоянство,
Сквозим в ночи, пронзая даль,
Неся тревогу и печаль.

Одни – в волненье. Что их ждёт?
Другие знают наперёд,
Что все мы здесь в руках судьбы,
И подневольные рабы.

А многим видится свобода
В перемещении народа.

А те расслабились и спят,
Стальные нервы у ребят.

Равенство

Мужчинам женщины равны
По праву своего рожденья.
Без них мы все обречены
На вырожденье.

Мужчин не надо догонять.
Другие вы. Бог с нею, с властью.
Ваш долг мечту осуществлять,
Стремиться к счастью.

Своей красотой и добротой
Вы нас без боя покоряли.
Зачем же вам удел иной,
Каркас из стали?

В объятьях жён и матерей
Мы счастье тоже обретали.
Девиз наш – равенство людей!..
На пир всех звали.

Время твоё

Тишина над твоей землёю,
Облака плывут, птицы спят.
Сновиденья идут чередою,
Отпустить тебя не хотят.

Если сердце бьётся,
Значит, время идёт твоё.
И жизнь улыбнётся,
И развеется забытьё.

А повсюду жизнь пробуждается:
Голоса слышны, смех детей.
День земли твоей начинается,
Просветляются лица людей.

Но одно лицо обязательно
Заденет сердце сильнеей.
На него посмотришь внимательно.
Не оно ли было во сне?

Вновь захватит ритм трудового дня,
И события дня увлекут.

Но, быть может, кто-то вспомнит тебя,
И заботы отступят, уйдут.

Снова всюду сияют сонмы огней.
Ты спешишь на родное кольцо
И высматриваешь в потоке людей
То, мелькнувшее утром, лицо.

Если сердце бьётся,
Значит, время идёт твоё.
И жизнь улыбнётся,
И развеется забытьё.

Игра

Что наша жизнь – игра, то знает каждый.
Но жизнь проучит игроков однажды.
Она гораздо больше, чем игра.
Здесь не уйдёшь, не скажешь: «Мне пора».

И даже в спорте, где профессия – игра,
Не будете играть с утра и до утра.
И я игрой могу потешить праздность,
Но есть между игрой и жизнью разность.

Игра – это случайность и везенье,
Азарт и страсть до умопомраченья.
Бывают ставки слишком высоки.
Всё на кон ставить многим не с руки.

Когда над всем главенствует игра,
То вам всерьёз задуматься пора.
И если вы не шулер, не обманщик,
То – или аферист, или болванчик.

Славные ребята

Публичных личностей все знают.
Они красиво говорят
И в зомбоящике мелькают,
Как бы, политику творят.

А что творится в закулисье,
Народ не знает ничего.
Видать у них повадки лисьи,
От мелкоты до самого.

Мы сами в этом виноваты.
Пенять кому-то не резон,
Что эти славные ребята
Дерьмовый приняли закон.

Открытая рана

По миру гуляют войны и смерть.
Привычные кадры: крик, беженцев толпы.
Бежать будут к ним, снеся евродверь,
Пока все орудия там не умолкнут.

И вдруг один кадр нас в смятение поверг,
Когда показали погибшего мальчика.
У синего моря нашла его смерть.
Лежал он ничком. Помертвевшие пальчики
Ласкала волна в безысходной тоске,
У синего моря, на чистом песке.

Его унесли чьи-то нежные руки.
А в мирный наш дом смерть дохнула с экрана,
И мы испытали душевные муки,
И в сердце осталась открытая рана.
И слёзы текли из распахнутых глаз.
За что гибнут дети, любившие нас?

Смерть мальчика нашей слезою омыта.
А в мире зло там же, и рана открыта.

Концерт в Цхинвале

Концерт в разрушенном Цхинвале
Маэстро Гергиев давал.
На площади, в подвёздном зале,
Оркестр могучий зазвучал.

Глазницы зданий разбомблённых
Зияли в отсветах свечей,
Горевших в память о сожжённых
В огне бездушных палачей.

Без слёз стояли со свечами
Старушки, женщины с детьми.
Все слёзы пролиты ночами
В щелях, заполненных людьми.

Тогда молились о спасенье,
И вот спасение пришло.
Оркестра мощное движенье
Всех охватило, увлекло.

Аккорды в стены зданий бились,
Их каждый явно ощущал,

И в поднебесье уносились.
Маэстро море расплескал.

И звуки вдруг соединили
Тех, кто симфонии внимал,
И тех родных, кого убили,
Чей дух ещё вблизи витал.

Мы жизнь прожили

Мы жизнь прожили, как смогли,
И наши силы на исходе.
Детей своих мы сберегли,
И внуки есть, и на подходе.

Страна, увы, уже не та.
В разгроме той – мы уцелели.
Под ней подведена черта.
У этой – нет великой цели.

Но внуки есть, и будут жить.
Узрим – чего они достойны.
А нам, что небо зря коптить,
Взирая на другие войны?

И есть ли место, где-нибудь,
Где торжествует справедливость?
Туда ли – через войны – путь?
Умрём в неведение – счастливы.

Главная задача

Богатство всем народом создавалось,
А в собственность ему и не досталось.
Виной тому – бандитский передел.
Честной народ остался не у дел.

А баламуты порезвились вволю,
Надеялись войти в большую долю.
Но их бесцеремонно оттеснили,
Не главными они в делёжке были.

Но что-то, видно, им пообещали,
Ведь не задаром же они вещали
О пользе и законности всех дел:
Мол, в среднем, наш народ не обеднел.

Кто умный, и крутиться кто умеет,
Тот, по закону, всем теперь владеет,
А остальным укажут, где трудиться.
Хозяин мудрый, он распорядится.

А этот, шкурник, о себе печётся
И только над одной задачей бьётся:

Как приумножить личный капитал?

Нахапал, обокрал всех и удрал.

Но паразитам жертва ведь нужна.

И эта жертва – вся наша страна.

Ждать милости от них, просить подачки, плача?

Отправить их в утиль – вот главная задача.

Две задачи

У нас, землян, всего-то две задачи:
Себя, любимых, воспроизвести,
И жить не наобум, ловя удачи,
А, с разумом дружа, всегда расти.

Казалось бы, задачи выполнимы,
Решаются, коль мы ещё живём.
Успехи в областях отдельных зримы,
Но слишком рано почему-то мрём.

Познать себя, вселенную – не просто.
Мы начали свой космос обживать.
У тела есть свои пределы роста,
Духовных же пределов не видать.

Храм на крови

Нам казалось, вступаем мы в эру
Чистых помыслов, братства, любви.
Возвели энергетики сферу.
Благоденствуй, твори и живи.

Найден силы бездонный источник.
Только в звёздах он явно живёт
И для всех открываться не хочет.
И огонь тот не всякий возьмёт.

Мы решили большую проблему -
Недостатка энергии нет.
Но закрыть не смогли эту тему,
На борьбу не наложишь запрет.

Обнажил новоявленный гений
Наших чаяний вечных тщету –
Величайшее из достижений
Множит бедствия и маяту.

Инструмент удивительной силы
Этот гений нам в руки вложил,

И померкло пред ним всё, что было.
Только разум исправить забыл.

Вместо Рая земного и мира
Видим рабство, войну и разбой,
Возвышение злого кумира
С огнедышащей булавой.

Овладевший невиданной силой
Неугодных сжигает огнём.
Стала суша всеобщей могилой.
Ну а кто же остался при нём?

Те, кто вновь уповает на силу.
Так они и его изведут.
И в погоне за властью бескрылой
Сгинут сами и всех увлекут.

И останется вечной мечтою
Воцаренье всеобщей любви.
И над нашею бедной землею
Возведён будет храм на крови.

Я жил

Я жил, когда стихи читали.
Их слушали, закрыв глаза,
И так порой переживали,
Что подступала вдруг слеза.

Я жил, когда ещё мечтали,
Варились в творческом котле,
Самоотверженно дерзали
Во имя счастья на земле.

Я жил, когда детей рожали.
Народ крепчал и счастлив был.
Да, и тогда ведь умирали,
Но с мыслью: «Не напрасно жил».

Юность

Юности давней годы весенние -
Это сияние солнечных дней,
Это плеск волн, акаций цветение,
Радость общения, верность друзей.

Серость, уныние и неудачи,
Всё это ветром отметено.
Были свершения, были задачи,
Здание жизни возведено.

Дети и внуки – вот его жители.
Их голосами полнится дом.
Нынче они творцы и строители.
Старые песни – в сердце моём.

Вновь всколыхнут они память о прошлом.
Вспыхнут картины яркой весны.
Юности нашей следы запорошены,
Дни, как рябины гроздья, красны.

Река жизни

Течение жизни пересилит скорбь,
Ведь скорбь возможна только у живущих.
И радость бытия, любви восторг
Не к прошлому зовут, а в день грядущий.

Как радо жизни малое дитя.
Счастливое, оно не знает смерти.
Лишь в старости, под грузом лет пыхтя,
Взовём к годам: «Свой быстрый ход умерте».

Пусть будет грусть легка, печаль светла.
В глазах любимой пусть сияет счастье.
Приемлем жизнь, какая б не была.
Её и нет без нашего участия.